

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

УДК 902 + 811.1

Кожуховская Ю.В.¹

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ AXIS MUNDI: КУРГАН И КОРАБЛЬ КАК
КУЛЬТОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
ЭПОХИ БРОНЗЫ**

Севастопольский государственный университет

Kozhukhovskaia I.V.

**AXIS MUNDI OBJECTIFICATION: BURIAL MOUND AND SHIP AS
CULTIC COMPONENTS OF THE BRONZE AGE RITE**

Sevastopol State University

Реферат: *В сравнительном аспекте рассматривается объективация обряда возведения курганов и ритуалов с использованием корабля в эпоху бронзы как концентрирующие в себе символизм Axis Mundi. Общность мифопоэтических воззрений периода позволяет наблюдать осевые черты в обрядности не только индоевропейских народов, но и обособленных народов, не имевших с ними торговых и культурных связей. Прослеживаются истоки происхождения символики оси в космогонических мифах, нашедших отражение в материальной культуре на основе корреляции микрокосма и макрокосма. Компоненты погребального обряда рассматриваются во взаимосвязи с мифопоэтическими дихотомиями небо-земля, огонь-вода, порядок-хаос, составляющие основу вертикальной структуры космоса.*

Ключевые слова: *курган, корабль, погребальный обряд, эпоха бронзы, Axis Mundi, солярный миф, мифопоэтическая картина мира.*

Abstract: *The paper focuses on the comparative aspect of objectification of the Bronze Age rites that embody the symbolism of Axis Mundi, i.e. the rituals with the ship and the construction of burial mounds as ritual practice. The mythopoetic picture of the world factors into universal axial features manifested not only within Indo-European entity, but within unrelated cultures as well. The article traces the origins*

¹ **Кожуховская Юлия Витальевна** – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и зарубежной филологии Севастопольского государственного университета; e-mail: jv-k@mail.ru

of axis symbolism in cosmogonic myths, which are reflected in material culture, basing on correlation of microcosm and macrocosm. The components of the burial rite are considered in correlation with the mythopoetic dichotomies heaven-earth, fire-water, order-chaos that shape the basis of vertical structure of cosmos.

Key words: *burial mound, ship, burial rite, Bronze Age, Axis Mundi, solar myth, mythopoetic picture of the world.*

Эпоха бронзы стала периодом широкого распространения возведения курганов, с одной стороны, и дальнейшего развития погребальных обрядов с использованием корабля, с другой, с сопутствующей дифференциацией их семантики в зависимости от культуры и территории функционирования. Рассматриваемые типы обрядов обретают символическое значение, основываясь на специфике интерпретации явлений окружающей среды мифопоэтическим сознанием. Именно через ритуал происходит связь со «священным Временем», «не-Временем», «вечным настоящим» [11, с. 161, 178]. В то же время ритуал ориентирован на «работу» по освоению хаоса и преобразованию его в космос [6, с. 162], что обосновывает обращение обрядовых практик к мифологеме Axis Mundi как центральному элементу упорядочивания космоса в рамках дихотомии порядок-хаос. Символика мировой оси получила развитие в эпоху бронзы [5, с. 398] и включает представление о космической опоре, которая относится к архетипическо-

му, и вместе с тем ярко проявленному в материальной культуре индоевропейских народов.

Среди народов, населявших евразийские степи, обряд, направленный на включение в символику оси, наиболее четко проявлен в кургане как проекции Мировой горы. Семантика кургана неоднократно рассматривалась в исследованиях. Его культовый символизм, в первую очередь, исходит из аспекта его корреляции с ландшафтом. Соотношение ландшафта и погребальных памятников широко освещено как в отечественных [8], так и в зарубежных исследованиях [16; 22]. На территории евразийских степей курган предстает в качестве монументального знака, маркера [8, с. 45], в то же время, материалы исследования других регионов свидетельствуют о схожих мифопоэтических процессах. В западной Скании (Швеция) отмечена доминирующая роль курганов в ландшафте, которые сравниваются с восклицательными знаками на местности [22, с. 188], при этом их возводили лишь для малой части насе-

ления [22, с. 186]. Результаты ГИС-анализа 400 курганов эпохи бронзы в данном регионе показали их намеренное расположение в ландшафте, где важен скорее вид, открывающийся с кургана, чем вид с местности на курган [22, с. 185–186, 188].

Согласно точке зрения Т. Ингольда, территория воспринимается через атрибуцию структуры значения физическому миру [22, с. 53]. Качества и силы места становятся основой при возведении памятников [22, с. 12], при этом топографические черты накладываются на сеть когнитивных структур, формирующих символические отсылки в коллективной памяти, которая остается практически неизменной в течение долгого времени [22, с. 53]. Так, бретонские менгиры имитируют естественные камни, будучи сооруженными уже на существующей в природе основе, то есть цель их возведения заключалась в создании структур, подобных тем, где обитали боги [22, с. 11]. Таким образом, происходило размытие границы между ландшафтом и погребением, как например, погребенная в горе значимая личность ассоциировалась с горой («погребен в горе» – “buried in the mountain”) [22, с. 150], что становится первостепенным в понимании природы кургана.

Если курган рассматривался как некое подобие храма, возведенного с культовой целью достичь «взаимосвязи» с местом обитания божеств, то корабль выполнял идентичную функцию у народов, жизнедеятельность которых концентрировалась вокруг мореплавания. Обряд погребения в лодке происходит, по крайней мере, с эпохи мезолита [28, с. 40], и распространен повсеместно – от Южно-Восточной Азии до Скандинавии. Будучи связанным с мифом о путешествии солнца, ритуал варьируется от захоронений в лодке, которую отправляли в море до погребений с лодкой, или в лодке [1, с. 152–167; 3, с. 51], кроме того, в Скандинаво-балтийском регионе распространен т.н. обряд каменной ладьи, предполагающий мегалитическую конструкцию. К следующей группе корабельной обрядности относятся наскальные рисунки кораблей. В исследованиях выявляется их особая роль в скандинавской космологии эпохи бронзы, в связи с их локализацией между сушей и морем – участке, где встречаются миры живых и мертвых [14, с. 388]. Наскальные изображения лодок и кораблей не ограничиваются данным регионом и встречаются в странах Средиземноморского бассейна: эпохой бронзы датируются изображения из Китиона (Кипр), Тель-Акко (Изра-

иль), фреска из гробницы Кенамона (Египет) и др. [13].

Семантика корабельной обрядности обширна и имеет разветвлённую систему значений. Среди базовой символики P. Tzouvaras [с. 57] выделяет корабль как место обитания и средство передвижения богини в контексте и на материале минойской культуры. Семантический слой, содержащий обращение к культу Великой богини, распространённый в эпоху неолита, соответственно, составляет основу для последующих слоев, определяющих символизм корабля как ритуального объекта. Отождествление корабля и храма вербализуется также на лексическом уровне: в древнегреческом $\nu\eta\acute{o}\varsigma$ (ионийский) – «храм» совпадает с родительным падежом единственного числа древнегреческой лексемы $\nu\alpha\upsilon\varsigma$ (корабль) [20, с. 544]. Впоследствии воплощение корабля как храма получило трактовку корабля-церкви, сохранившуюся во фразеологии новогреческого языка ($\sigma\acute{\kappa}\alpha\phi\omicron\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ Εκκλησίας – судно Церкви).

Истоки происхождения идеи священности корабля соседствуют с мифологемой космического древа, которое также как космическая гора является воплощением мировой оси. В мифологии приводятся отдельные интерпретации изобретения корабля, которые исходят из его древесной

конструкции и соответствующего символизма. Финикийский Усой, «взяв дерево и обрубив его ветви, первый осмелился пуститься в море» [9, с. 35], подразумевая изобретение лодки-долбленки. На материале мореплавания Леванта эпохи бронзы S. Rich [с. 100] аргументирует священность кедра, обуславливающую использование его древесины для сооружения храмов и строительства кораблей.

Вместе с тем, уподобление мачты и Axis Mundi является следующим аспектом реализации осевой символики. В минойской цивилизации зафиксированы находки, совмещающие дерево и корабль: клеймо из Макриялоса (LM I) с деревом вместо мачты [27, с. 185], золотой перстень с печатью из погребения Мохлоса, на котором представлено дерево на корабле, произрастающее из святилища [21, с. 163]. Уподобление Древа жизни и корабля отчетливо проявлено в греческой картине мира, в которой корабль традиционно украшается на Рождество. Обычай исходит из индоевропейской мифологии, связанный с праздником зимнего солнцестояния дохристианских времен, в соответствии с которым после победы Громовержца над хтоническим чудовищем мир возрождается заново, будучи календар-

ным моментом с выраженным осевым символизмом.

Ассимиляция космического дерева и корабля является не единственным случаем взаимодействия репрезентантов оси. Мифологема дерева на горе как один из случаев совмещения символизма космических дерева, горы и кургана (как воплощения горы) расширяет семантику оси, составляя основу мифопоэтической дихотомии небо-земля. Древо жизни коренится в земле, матери всех вещей и источнике постоянного возрождения [19, с. 105], в частности, в Ассирии – в рамках возрождения космоса из источника [19, с. 34], в Египте – корни дерева питались соком жизни, который на вершине дерева становится небесным эликсиром бессмертия [19, с. 41]. Курган также относится к символизму земли в физическом и метафизическом смыслах, и соответственно, несет в себе аналогичный возрождающий принцип, пребывая в центре космоса, что обуславливает его значение как погребального сооружения.

Дополняет картину космоса дихотомия огонь-вода, также соответствующая верхнему-нижнему миру оси. Совмещение двух типов дихотомий фиксируется в космогонии племени каян, где процесс творения вселенной заключает в себе падение в океан скалы с неба, ставшей су-

шей, и меча, ставшего деревом, с солнца [2].

Если солнце, символизирующее огненную стихию – это верх оси, то нижний мир обычно выражается в образе океана-хаоса. Ю.Б. Циркин [с. 72–73] описывает гемму VI – VII в. до н. э. с изображением финикийского морского бога Баал–Хаммона с солнечным диском у головы. Изображение, очевидно, представляет собой совмещение мотивов корабля и дерева как воплощения оси: трон Баал–Хаммона расположен на корабле, под которым изображены тянущиеся вниз растения. В космогонических мифах Мировое древо нередко произрастает из вод океана. У болгар, по классификации Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина [2], бог отдыхал, сидя на кизиле, расположенном посреди безбрежного океана. В модели мира племени таванг корни трехчастного дерева, расположенного в центре земли, находятся глубоко в океане [2; 23, с. 131–13]. В Малайзии у корней огромного дерева в океане расположена пещера [2; 15, с. 6–7], что является прямой отсылкой к нижнему миру. Следовательно, мотив дерева в океане, получивший широкое распространение, является воплощением космогонических порядка-хаоса.

И корабль, и курган как компоненты обряда противостоят мифоло-

геме хаоса. Если мифопоэтическое «пространство», соответствующее символике центра, вещно и заполнено, то хаос есть отсутствием пространства [6, с. 340]. Курган, олицетворяет центр, в первую очередь, через символизм кромлеха – средоточие символизма «неслучайного», сакрального, тогда как за его пределами пребывает хаос. Корабль или лодка, взаимодействуя с водным символизмом, более четко воплощают данную дихотомию. Так, в древнеегипетской мифологии, согласно R. Ahmed [с. 139], отсутствие лодки рассматривалось губительно для пересекавшего реку нижнего мира. С точки зрения мифопоэтики корабль пребывает среди изначального хаоса, и соответственно, воплощает порядок, творение, что находит дальнейшее раскрытие в мифологии.

Боги-демиурги как правило покровительствуют кораблестроению – среди них древнеегипетский Птах – бог-творец, основатель городов, в сфере покровительства которого находились искусство и ремесла, а также финикийский Хусор со схожими свойствами. На фоне развитой системы морской обрядности и мифологии Финикии, богов-покровителей мореплавания можно разделить на несколько типов. Помимо дифференциации преданий

изобретения первого судна как происходящих из двух разных центров морской торговли – из Тира и Библа [10, с. 326], финикийские боги разнятся своими функциями: если Усой – изобретатель корабля как плавательного средства, то Мелькарт выступает защитником и спасителем моряков. В греческой мифологии аналогичную роль играет Афина. Ряд исследователей [17, с. 3; 18] выделяет ее свойства покровительницы плотников, что обуславливает ее кораблестроительные свойства как создателя первого корабля. Минерва обладает теми же качествами в Риме [25]. Следует отметить, что изобретение корабля широко осмыслялось мифологическим сознанием, породив процессы морской и корабельной мифопоэтизации в греко-римской античности. Плиний Старший сделал шаг к систематизации мифологических источников, в которых рассматривалось авторство типов кораблей. Согласно «Естественной истории» [7], Данай был первым, кто плывал на корабле, лодку изобрели финикийцы, лемб – жители Кирены, “сегсугус” – киприоты, грузовой корабль – изобретение Гиппа из Тира, военный корабль, по разным источникам, изобретение Ясона, Парала, Семирамиды или Эгеона.

Осевые качества корабля исходят именно из космогонического аспекта мифологии, основываясь на соотношении качеств богов-демиургов как причастных к сотворению корабля и мироздания (или отдельных его аспектов). Зодчество на уровне макрокосма приближает к мифопоэтической интерпретации греческого, древнемесопотамских и других мифов о потопах, в которых корабль выступает символом спасения среди океана-хаоса.

Пример корабля-модели вселенной засвидетельствован в русских былинах в образе Корабля-сокола, обрядовая роль которого усиливалась в период от Рождества до Крещения [4, с. 43], что сравнимо с ролью корабля в греческой картине мира. Курган также воспринимается мифопоэтическим сознанием как модель вселенной – через свойства мировой горы отражающей все компоненты космического устройства [5, с. 311].

Таким образом, среди многочисленных воплощений *Axis Mundi*, корабль и курган (как репрезентант космической горы) включены в по-

гребальную обрядность эпохи бронзы на основе корреляции микрокосма и макрокосма. Объединенные символизмом ряда дихотомий, выражающих противопоставление верхнего и нижнего мира, а также основываясь на функции оси как средства связи между мирами, корабль и курган представляют две разные модели ее объективации. Корабль или лодка отличается динамическим аспектом своего символизма, представляя не только саму ось (мачта – в случае корабля), но в первую очередь, путешествие солнца по оси. Круг, лежащий в основе символизма кургана, также основывается на движении солнца и предполагает цикличность, но замкнут по своей природе, в связи с чем символизируя стационарность. Следует возможная этимология лексемы «курган» в славянских языках, исходя из его конструктивных качеств, от праиндоевропейского *krengh-* – круг (которое в других индоевропейских языках преобразовалось в *krōgъ* в праславянском, *hringr* в древнеисландском, *krenkatrum* в умбрском и т.д).

Список литературы:

1. Анучин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. 146 с.
2. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 28.10.2019).
3. Голан А. Миф и символ. М.-Иерусалим: Тарбут, Русслит, 1994. 371 с.
4. Дударева М.А. Архетипический комплекс корабля в русской литературе: смертельный подтекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. №23 (1). С. 42–49.
5. Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.
6. Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 719 с.
7. Плиний Старший Естественная история. Книга VII / пер. А. Н. Маркина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск. 2010, № 1.
8. Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2009. №21. С. 42–118.
9. Филон Библский Финикийская история / пер.: Б.А. Тураев // Финикийская мифология. СПб., 1999. С. 24–53.
10. Циркин Ю.Б. Мифы Финикии и Угарита. М.: АСТ и Астрель, 2003. 478 с.
11. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
12. Ahmed R. The Celestial ferryman in Ancient Egyptian religion "Sailor of the Dead" // Journal of The General Union OF Arab Archaeologists. 2016. №1. P. 126–165.
13. Artzy M. Mariners and their boats at the end of the late Bronze and the beginning of the Iron age in the Eastern Mediterranean // Tel Aviv. 2003. №30. P. 232–246.
14. Ballard C., Bradley R., Nordenborg Myhre L., Wilson M. The Ship as Symbol in the Prehistory of Scandinavia and Southeast Asia // World Archaeology. 2003. Vol. 35 (3). Pp. 385–403.
15. Blagden C.O., Skeat W.W. Malay magic: being an introduction to the folklore and popular religion of the Malay peninsula. London: Macmillan and Co, 1900. 685 p.
16. Bradley R. An archeology of natural places. London: Routledge, 2000. 192 p.
17. Brody A.J. The specialized religions of ancient Mediterranean seafarers. Religion Compass. 2008. №2 (4). P. 1–11.
18. Burkert W. Greek religion. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 512 p.
19. Cook R. The Tree of Life: image for the cosmos. New York: Thames and Hudson, 1995. 128 p.
20. Griffith R.D. Temple as Ship in Odyssey 6.10 // The American Journal of Philology. 2002. №123 (4). P. 541–547.

21. Marinatos S. 'La marine créto-mycénienne' Bulletin de correspondance hellénique. 1933. №57 (1). P. 170–235.
22. Monuments and landscape in Atlantic Europe: perception and society during the Neolithic and early Bronze Age / ed. C. Scarre. London; New York: Routledge, 2002. 210 p.
23. Pandey B.B., Duarah D.K. Myths and beliefs on creation of universe among the tribes of Arunachal Pradesh. Itanagar: Directorate of Research, Govt. of Arunachal Pradesh, 1999. 133 p.
24. Rich S. Ship Timber as Symbol? Dendro-provenancing & contextualizing ancient cedar ship remains from the Eastern Mediterranean / Near East: PhD thesis. Leuven, 2013. 220 p.
25. Rougé J. Ships and fleets of the Ancient Mediterranean. Middletown: University Press, 1975. P. 198ff.
26. Tzovaras P. A journey from the unconscious to the cosmos: rethinking the symbolic function of the ship in the Minoan world // Rosetta. 2017. №21. P. 50–70.
27. Wedde M. Towards a hermeneutics of Aegean Bronze Age ship imagery. Manheim and Möhnese: Bibliopolis, 2000.
28. West M.L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford: Oxford University Press, 2007. 525p.

References:

1. Anuchin D.N. Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnost' pohoronogo obryada. M.: Tip. i slovolit. O. O. Gerbek, 1890. 146 s.
2. Berezkin YU.E., Duvakin E.N. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskij katalog [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (28.10.2019).
3. Golan A. Mif i simvol. M.-Ierusalim: Tarbut, Russlit, 1994. 371 s.
4. Dudareva M.A. Arhetipicheskij kompleks korablya v russkoj literature: mortal'nyj podtekst // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2018. №23 (1). S. 42–49.
5. Mify narodov mira: Encikl. v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1987. T. 1. 671 s.
6. Mify narodov mira: Encikl. v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1988. T. 2. 719 s.
7. Plinij Starshij Estestvennaya istoriya. Kniga VII / per. A. N. Markina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». Izhevsk. 2010, № 1.
8. Smekalova T.N. Kurgany v landshafte Severnogo Prichernomor'ya // Bosporskie issledovaniya. 2009. №. 21. S. 42–118.
9. Filon Biblskij Finikijskaya istoriya // Finikijskaya mifologiya. SPb., 1999. S. 24–53.
10. Cirkin YU.B. Mify Finikii i Ugarita. M.: AST i Astrel', 2003. 478 s.
11. Eliade M. Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol'y; Svyashchennoe i mirskoe. M.: Ladomir, 2000. 414 s.
12. Ahmed R. The Celestial ferryman in Ancient Egyptian religion "Sailor of the Dead" // Journal of The General Union OF Arab Archaeologists. 2016. №1. P. 126–165.

13. Artzy M. Mariners and their boats at the end of the late Bronze and the beginning of the Iron age in the Eastern Mediterranean // *Tel Aviv*. 2003. №30. P. 232–246.
14. Ballard C., Bradley R., Nordenborg Myhre L., Wilson M. The Ship as Symbol in the Prehistory of Scandinavia and Southeast Asia // *World Archaeology*. 2003. Vol. 35 (3). Pp. 385–403.
15. Blagden C.O., Skeat W.W. *Malay magic: being an introduction to the folklore and popular religion of the Malay peninsula*. London: Macmillan and Co, 1900. 685 p.
16. Bradley R. *An archeology of natural places*. London: Routledge, 2000. 192 p.
17. Brody A.J. The specialized religions of ancient Mediterranean seafarers. *Religion Compass*. 2008. №2 (4). P. 1–11.
18. Burkert W. *Greek religion*. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 512 p.
19. Cook R. *The Tree of Life: image for the cosmos*. New York: Thames and Hudson, 1995. 128 p.
20. Griffith R.D. Temple as Ship in *Odyssey 6.10* // *The American Journal of Philology*. 2002. №123 (4). P. 541–547.
21. Marinatos S. ‘La marine créto-mycénienne’ *Bulletin de correspondance hellénique*. 1933. №57 (1). P. 170–235.
22. *Monuments and landscape in Atlantic Europe: perception and society during the Neolithic and early Bronze Age* / ed. C. Scarre. London; New York: Routledge, 2002. 210 p.
23. Pandey B.B., Duarah D.K. *Myths and beliefs on creation of universe among the tribes of Arunachal Pradesh*. Itanagar: Directorate of Research, Govt. of Arunachal Pradesh, 1999. 133 p.
24. Rich S. *Ship Timber as Symbol? Dendro-provenancing & contextualizing ancient cedar ship remains from the Eastern Mediterranean / Near East*. PhD thesis. Leuven, 2013. 220 p.
25. Rougé J. *Ships and fleets of the Ancient Mediterranean*. Middletown: University Press, 1975. P. 198ff.
26. Tzouvaras P. A journey from the unconscious to the cosmos: rethinking the symbolic function of the ship in the Minoan world // *Rosetta*. 2017. №21. P. 50–70.
27. Wedde M. *Towards a hermeneutics of Aegean Bronze Age ship imagery*. Manheim and Möhnese: Bibliopolis, 2000.
28. West M.L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 525p.